

ДМИТРИЙ БЛИЗНЮК

Сад брошенных женщин

СТИХИ, ВЕРЛИБРЫ

Дмитрий Близнюк

**Сад брошенных женщин.
Стихи, верлибры**

«Издательские решения»

Близнюк Д.

Сад брошенных женщин. Стихи, верлибры / Д. Близнюк —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-960314-2

Сборник стихотворений современного украинского поэта Дмитрия Близнюка, верлибр. Лучшие тексты за 2014—2018 годы, выбор произведений — Сергей Герасимов, корректура — Эсмירה Травина, фото на обложке — Ольга Сапогова.

ISBN 978-5-44-960314-2

© Близнюк Д.
© Издательские решения

Содержание

семь жизней	7
«где заканчиваешься ты и начинаюсь я?..»	8
«мы юность ели с ножа...»	9
УРАН В 38	10
«любимая, дай мне таблетку...»	11
«кто-то ходит внутри слова «осень...»	12
дорога из другого мира	13
пиджак из вороньих перьев	14
ЭМПИРЕИ	15
НОЧНОЙ ИЮЛЬ	16
«ее душа расположена где-то снаружи...»	18
ЕДИНОРОГ	19
«февраль – фиолетовый ящер ...»	20
«тьма сгущалась наискосок...»	21
«рассвет стерильным солнечным ланцетом...»	22
чувство снега	23
«я найду тебя в иконе из трав...»	24
V	25
«осень – голодная скорпионша...»	27
«окно плавает в чашке с чаем, как поплавок...»	28
зеленый фонарь	29
не грусти, Златоуст	31
психо	33
ИНОПЛАНЕТЯНИН	34
красный лес	35
«осенний лес, как беспризорник...»	37
«да сколько можно писать про эти спальни...»	38
сон номер девять	39
«спешим к закату, как бродячие муравьи...»	41
огненные доберманы	42
зеленый парусник	44
десять негрятят	45
река однажды-войти-не-выйти	47
сталевар	48
веснушки	50
семилетний Галилей	51
жемчужина ненастья	52
реальность, прощай!	54
рецепт дождя	55
выходные	57
тень ветра	58
«будто лось обдирает кору с яблонь...»	59
«как здорово просто быть...»	61
в зеленом кимоно	63
«веранда ломкая ...»	64
«в ней проступала грация...»	66

преграды	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Сад брошенных женщин Стихи, верлибры

Дмитрий Близнюк

© Дмитрий Близнюк, 2018

ISBN 978-5-4496-0314-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

семь жизней

ты кошка – семь жизней растрочены на чепуху,
на стирку и готовку, на варку и уборку,
на боевую раскраску лица и тела,
на чуткий сон у колыбели.
мне осталось тебя так мало.
налить тебе лунного молока?
я читаю тебя, как юношеские записки шерлока,
как шпаргалки на девичьих коленях.
мне от тебя осталась шагреневая кожа,
и она с каждым годом всё меньше и тоньше,
но я не могу не желать, не стремиться.
перышко торчит из подушки,
будто лыжня из снежного спуска.
за окном блестит карамельная луна,
и я смотрю на тебя сквозь годы,
сквозь густой снегопад:
ты улыбаешься, и твои губы
кажутся запачканными кефиром
в наплыве падающих снежинок...

«где заканчиваешься ты и начинаюсь я?..»

где заканчиваешься ты и начинаюсь я?
видела, как китайская стена упирается в море?
а куда исчезает твой мир?
серый хрусталь тишины в этих комнатах
впитал наши голоса, сохранил нас,
будто живых саламандр внутри шара
с мокрыми камнями и отрезком ручья.
сколько еще любви и жизни спрятано в этих шарах?
сколько этих волшебных шаров позади нас,
будто пузырьки бессмертия, вьются и беснуются
вдоль времени-пуговины, вне смерти?
а как ты грациозно выходила из моря —
высвобождалась из пышного платья волн,
простирающегося до самого горизонта,
сияя соблазном, разглаживая волосы...
а дальше вырисовывался величественный Рим,
и оползни голубей Google'ились на площади,
и мраморные протезы колонн
подпирали рухнувшие небеса,
и к платанам слоновьего цвета тянулась рука, и ты,
как оса, лакомила персиковым закатом.
и зачем вспоминаю нас, тебя вне меня?
выжимаю теплую заварку из пакетика чая
на закисшие глаза слепой суки.
это странно, это приятно.
это грильяж истины, об него я и ломаю
молочные зубы воспоминаний,
чтобы взамен проросли коренные.

«МЫ ЮНОСТЬ ЕЛИ С НОЖА...»

мы юность ели с ножа.
эти ночные рыбалки, свидания под луной,
и ты, лопухий герой,
обжигаясь обнаженной девичьей плотью,
как горячей ухой.
лунные мальки беснуются в распущенных волосах,
стог сена скрипит и мерцает,
синеют на грядках капустыны, жабы жемчужины.
сердца – две вишни – срослись боками
клейкими, лиловыми, с гнильцой взросления.
о Господи, верни ювенальное вдохновение,
синий мир на соломенных слонах...
городок в буйных садах,
и яблочным уксусом пахнет летняя кухня —
застекленный парусник,
комариные укусы, река, река, река...
лета солнечная гильотина
облизывается золотыми лезвиями, и вы —
фигурки
из коричневой сахарной глины
над бездной голубой —
учитесь писать телом и душой,
как первоклашки – шариковой ручкой,
простые слова:
люблю, друг, прости, навсегда, никогда,
да пошла ты на.

пока ты молодой —
микрофон тишины включен,
вход свободный – иди и носи всякую чушь.
но ты меня не слушаешь...
юность, я чувствую твой взгляд:
оранжево-красную точку
лазерного прицела...

УРАН В 38

как прекрасен ее пупок.
такие изящные выемки находишь в бракованных свечах
или на стволах вишен – место, где обнажилась кость,
отмерла старая ветвь или передумала родиться новая.
узкие джинсы – когда развешивает их на стуле —
похожи на картонные цилиндры внутри рулонов.
босоножки на высоких каблуках —
жилистые царицы-скорпионши
с выводком жал, выкрашенных черно-алым.
и главное – глаза. глаза... там всегда
мреют и плывут зеленовато-серые рассветы
инопланетные,
или угасают янтарно-жемчужные закаты
безлюдные.
таинственная планета, и жизни – разумной, хищной —
на ней нет, или она ловко прячется от меня
за границами век, за туманами и озерами.
иногда промелькнет пятнистый монстр страсти,
точно перед объективом дискавери,
но отвлекают пыльно-шелковые облака,
темное пульсирующее солнце.
ее красота отзывчива и тепла —
будто трон с подогревом.
заботливая красавица,
не трепанированная зубчатой самовлюбленностью, —
это редкость: так бриллиант в кольце
искренне переживает, если ты порезался
во время бритья. кто же ее создал, подарил мне?
все вещи в доме пахнут ароматным уютом,
и даже гладильная доска – близорукий птенец птеродактиля –
смотрит на меня великодушно.
а почему бы и нет?
во мне скопилось так много любви —
как радия в закромах миролюбивого диктатора.
пора уже устроить небольшой термоядерный взрыв
семейного счастья.

«любимая, дай мне таблетку...»

любимая, дай мне таблетку
анальгина; туман туго обмотал
треугольные головы горам,
точно влажными полотенцами,
легчайшая боль неба, мелкая, незаметная,
как подъязычная кость колибри,
и виноградники разлаписто тянутся
по каркасам и шиферным заборам
карликовыми истощенными драконами
(больны осенним рахитом) —
усыпаны сладкими пыльными ягодами.
и грузчики, кряхтя и потея,
уже вносят в прозрачные чертоги воздуха
трехметровые портреты осени, забрызганные
грязью, глиной, грибными спорами,
а осень в кровавых от ягод ботфортах
с нами-статуэтками на ладонях
позирует возле ржавого лимузина
с выбитыми стеклами...

«КТО-ТО ХОДИТ ВНУТРИ СЛОВА «ОСЕНЬ...»

кто-то ходит внутри слова «осень»
на высоких красных каблуках —
этажом выше, пониманием выше.
останавливается возле окна, отодвигает штору
и любуется исподтишка, глядя,
как загорелые всадники листопада
гарцуют и становятся на расклеванные золотые дыбы.
а ива возле фонарного столба совсем потеряла себя
и горюет, свесив безалаберную голову,
пускает зеленые слюни на муравьев.
и так до самого позднего вечера, а потом
появится тонкая, что твое веко, луна:
учительница с родимым пятном на лице
ведет толпу звезд-второклашек
на экскурсию в город ночной.

дорога из другого мира

ветка легонько бьется в окно.
равномерное постукивание вязальных спиц.
звуки сливаются в оглушительное волшебство тишины.
тишина на фоне мелкого шума,
как девушка, что вышла из моря —
она по-русалочьи ловко отряхивает волосы,
выжимает их и кладет себе на плечо, как солдат мушкет.
и я беру девушку за руку (доверчивая и нежная)
и иду вместе с ней по парку, усыпанному звуками
(шапка мономаха тишины утопает
в драгоценных камнях).
монета падает на асфальт,
воздух царапает чирх зажженной спички,
и где-то вдалеке позвякивают кастаньеты трамвая.
слепой человек на скамейке причмокивает губами.
его глаза-улитки ввалились внутрь, а рядом с ним
терпеливо сидит женщина, прямая и плоская,
как дева на иконе, и держит его за руку.
и сосны неподвижны в небесах, точно скалы.
так тихо, что слышен
скрип крошечных челюстей белок на соснах.
тишина – это дорога из другого мира.
фундаментальная стезя богов, проложенная через
музицирующий бедлам человечества.
в тишине мы зрим вечную сюрреальную толчею
и шествие слоновьих идей, образов, призраков.
отодвинь бахромчатую ковбойскую завесу ноября
и прислушайся к тишине...
это всё, что останется от тебя.

ПИДЖАК ИЗ ВОРОНЬИХ ПЕРЬЕВ

если честно, не люблю писать —
верлибры, стихи, прозу, —
но люблю одну женщину. однажды Господь
дал подержать ее за талию (бокал с плотью),
обнять, заполнить семенем, мечтами,
галлюцинирующей пустотой,
а потом превратил в вибрирующую, ломкую,
скульптуру из бабочек, шелкнул пальцами – фокл! —
и она разлетелась по миру узорным маревом.
а я только рот раззявил – небритый голодный птенец.
теперь в каждой женщине, с которой я мужчина,
узнаю узоры горячих крыльев.
но эротическая радость узнавания
сменяется разочарованием,
в каждом стихотворении я хочу *невыхотимое...*
если бы я мог с ней остаться сейчас и навсегда,
я бы и слова не написал больше. никогда.
сжег бы все рукописи, а они горят, чадят —
подожженные нефтяные скважины
с черными заваливающимися хвостами...
но не смог раствориться в ее душе и теле —
золотой айфон в желудке пойманной акулы.
застыл лопухим истуканом,
а вокруг меня порхают – бабочки-в-животах?
нет – она, она, она. но ее у меня нет
и больше никогда не будет.
это шершаво-кошмарное «никогда» – шикарное слово,
точно пиджак из вороньих перьев.
надеваешь его на голое тело ранним утром – и жуть.
и посему я возьму от поэзии все, что захочу.
поздно или рано.
вот почему я поэт.

ЭМПИРЕИ

точно больной зуб,
глубокой ночью дернется лифт сквозь тонкие стены,
тишина передернет затвор —
а я, будто зафлейтенная кобра,
всё еще раскачиваюсь перед монитором,
отдираю строки от зеленого лица,
как мидии с валуна, — выросли
за время прилива вдохновения...
исподволь прихожу в себя,
а крылатая душа всё еще парит в эмпиреях,
гуляет по комнатам
заброшенного дворца созвездий —
так олененок, освещенный синим лунным светом,
бродит по картинной галерее,
где серые мерцающие стены
увешаны шевелящимися
мордами львов.

НОЧНОЙ ИЮЛЬ

расстеленное в саду старое ватное одеяло;
лунный чертог паукообразный
раскинулся над нами шатром ветра,
тонко-металлической музыкой хитинового Баха
в исполнении электронного стрекота сверчков,
тишайшего чавканья, тонких шорохов —
сквозь узкие ветки яблонь и груш.
ночь слизывала нас, как лимонный сок с ножа,
и я чувствовал себя где-то далеко-далеко
в потустороннем Париже, как Эмиль Ажар.
ящером задираю голову от протяжного выдоха
и упирался отуманенным взором в кусты помидоров —
кусты-джентльмены укоризненно наблюдали
за нами, облакачивались на трости
в металлической сетке-оправе.
и детский мяч, укрывшись под скамьей,
точно глобус с вылинявшими материками,
бормотал во сне: «забери меня в коридор».
лунный свет притворялся спящей лисой
на поляне, заполненной зеленовато-синими цыплятами.

мы занимались любовью в райском саду,
жадно дышали, сверкали тугими поршнями,
напряженными ногами,
будто нефтяные насосы в Техасе,
мы качали древнюю и сладкую, как черный мед, тьму
из скважин звериной памяти,
и я не чувствовал боли – от ее ногтей,
от досадного камушка, впившегося в лодыжку,
не ощущал растертых коленей —
до консистенции вулканического варенья.
ее тело сияло красотой и заброшенностью:
ночные пустыни, над которыми проносятся
жадные руки – своевольными буранами.
и банальный расшатанный стол под вишней
вмиг обращался под нами
в эротический трон для двоих...

ночной июль —
заброшенная винодельня;
всех нимф вывели отчернивателем,
как яркие пятна с темной блузки природы.
это ночное преступление
с чужой женой, эквилибристика похоти и адреналина
посреди лунного райского сада,

где каждый миг кто-то сомнамбулично
пожирал кого-то.
но часть меня – щепотка – возносилась над садом
и наблюдала за Адамом и Евой со стороны.
вот так время сомкнулось петлей,
как строгий ошейник с шипами вовнутрь,
и зверь Вселенной жадно дышал —
звездами, миллионолетьями...

«ее душа расположена где-то снаружи...»

ее душа расположена где-то снаружи,
как душа водопада или виноградной лозы.
хищная большеглазая суть
завтракающей на лету стрекозы.
я отдал два года, два чемодана смыслов и нервов
за дьявольское сокровище;
изучал зеленый планетарий в ее глазах,
дразнил аллигатора в бассейне лыжной палкой;
любовался паучьими ресницами
и вспоминал кляссеры с марками
мелкозубчатыми.
не знаю, что чувствуют художники, рисуя женщин, но
я схватил вязальный крючок и распустил ее —
дернул зазубриной за вену на запястье.
криво расползалась плоть – бледное покрывало,
зацепилось узлом за край некрашеной губы.
и что же осталось?
клеймо на затылке каждой мысли о ней,
как на больничных наволочках,
даже если мысль совсем не о...

клеймо излучало тепло.
в полнолуние я сижу голый и потный на простыне,
обхватив колени, подражая сюрреальной стеле,
похож на сырой картофель в граненых срезах,
пытаюсь, как паук, выплеснуть в пространство
шелковый новый мир, паутину мечты,
где мы снова будем вместе.
она будет учить испанский, а я – отбрасывать хвосты,
прогуливаться на поводках нежности,
а по вечерам лениво играть с темными пятнами,
вырезанными из тигриных шкур,
разложенных на письменном столе...
как мне найти тебя, ева,
если ты разлетелась на сотни маленьких женщин?
и я собираю с миру по нитке, с женщин по занозе,
в надежде когда-нибудь собрать целое,
восходящее на остром звуке «ре».
ребро, рембрандт, ре-диез.

ЕДИНОРОГ

осеннее пасмурное утро.
фонари, точно жирафы, тихо бродят в тумане,
косые сгустки теней вздрагивают
за деревьями – это плотва прошедшей ночи
запуталась в водорослях во время отлива.
пахнет паленым войлоком и подгнившими сливами
осень тонкокостная дрожит – жеребенок-рахит
с гнутыми ножками-ветвями.
старуха тащит тележку с яблоками.
иные листья еще рдеют – цвета желчи с кровью.
внезапно срывается мелкий дождь,
сотни призраков трут мокрые ветки ладонями,
добывая туман.
две студентки укрылись от измороси в беседке:
курят, бережно кормят друг друга кусочками шоколада,
словно птицы окающих птенцов – червяками,
лишь бы не размазать на губах помаду.
а захмелевший дворник Ефим грустит у подъезда,
скучает по отчему яблоневому саду;
но не пройдет и месяца, как явится чистокровная зима,
и глянешь – с утра уже снегопад бредет за окном,
точно чистокровный сказочный единорог,
и его жалят белые слепни,
а он нервно отмахивается поземкой-хвостом...

«февраль – фиолетовый ящер ...»

февраль – фиолетовый ящер —
распластан на пышном снегу,
и от твердой баклажанной кожи рептилии
валит сомнамбулический пар теплосетей.
приближение зимы щекочет нервы мерзлым пером,
словно приближение гигантской ледяной волны,
и она движется медленно, как улитка, во все небо.
можно подойти вплотную к ее изогнутой хрустальности
и увидеть в ней – нет, не смерть,
но ее глубокий сон, жидкий азот небытия,
разлитый на поверхности всех зеркал.
приятно напихать снега за шиворот орущему другу
или самому ощутить белоснежную фыркающую оплеуху.
вечерние огни светофоров и реклам жадно глотают
вальсирующие хлопья слепоты
напомаженными ртами,
оставляют губную помаду на снежинках,
как на краях бокалов.
и в длинных, точно английские луки, лужах
тритоны зазеркалья замерли и покрылись коркой.
реальность временно закрыта на карантин.
улицы, как параши, присыпаны сказочной хлоркой.
узорная катаракта разрастается
во всех глазах-окнах,
и низкое серое небо обшито пенопластом,
и самолет прожигает в нем ровную ядовитую линию,
как сигаретным окурком.

«Тьма сгущалась наискосок...»

тьма сгущалась наискосок,
будто кто-то играл каприччио паганини на скрипке
без струн, без лакированных хрящей,
без рук и без смычка —
на одном вибрирующем сгустке теней.
и хотелось подойти к раскрытому окну
и выхватить голыми руками кусок синего неба,
ослепительного, остывающего.
антивечер.
антимотылек летит на свет антисвечи,
в комнатах всё вывернуто наизнанку:
вывернуты зеркала – внутренности зеркального карпа.
шторы, будто кони,
пьют светящуюся пыль у сонного водополя,
и так тихо, что скулящий звук телевизора этажом ниже
просачивается сквозь тишину – звуковой кровью
сквозь бетонные распаренные бинты.

«рассвет стерильным солнечным ланцетом...»

рассвет стерильным солнечным ланцетом
вскрыл птичий нарыв в кронах каштанов.
весна, как скрипичный концерт с мокрыми смычками,
покрытыми листьями, лепестками, жуками
в самом разгаре, развизге.
и раздавленная гроздь сирени
цвета мятых шпаргалок по физике
валяется под ногами,
и ты обживаешься в моих объятиях на скамейке,
тихо скребешься и ежишься.
хорошенькие женщины – как мыши:
устраивают гнезда в синих лапах слонов-мужчин,
прогрызают хрящи и винтовые лестницы,
наводят марафет и уют.
но всё это в будущем,
и вся жизнь – игра-игра-игра-игра – впереди,
но мы еще не знаем всех правил жизни,
и ты покамест не чья-то жена,
и мы не мумифицировались взрослостью,
не обезвожены обязанностями,
не отравлены ртутными парами серьезности,
и парк, обвязанный прозрачным апрельским ветерком,
как рулеткой, для нас выбирает будущее —
со всего света и тьмы съехались лучшие мастера,
дуремары, волшебники...

ЧУВСТВО СНЕГА

сегодня выпал первый снег
в саду,
и черный мозг земли,
взрыхленный муравьями,
с еще зелеными извилинами травы,
но уже пегими листьями
красиво присыпало белыми перышками,
будто ангелы дрались подушками,
с тихим треском вспарывали когтями белую ткань.
сегодня первый снег пришел в качестве гостя.
невинный, нежный, напоминает
троянского пушистого жеребенка,
скачет, играет, понарошку кусает
растопыренные пальцы.
и моя душа радуется
(наперекор и вопреки логике, здравому смыслу):
пусть всё это обман – нас возвышающий,
нас вальсирующий...
верблюжата детства
подсматривают в игольное ушко,
а я оглядываю карликовый сад:
черная костлявая вишня
под снегом обрела второе дыхание,
расцвела почти как весной —
поймала на спиннинги ветвей
стайку голодных воробьев и снежинок.
здесь, в ноябре,
посреди охлажденного ада,
первый снег прекрасен, точно кит-альбинос,
всплывающий из-под земли.
и Ахав медлит, но всё же отворачивает гарпун
и я – атлет в пуховике —
поднимаю взглядом тяжелое низкое небо —
черно-синюю штангу с белой бахромой
как можно выше.
я жив
я бессмертен
я что-то еще...

«я найду тебя в иконе из трав...»

я найду тебя в иконе из трав,
в клейком шепоте молодых кленов,
сквозящих на солнце.
так и хочется спросить у вечернего мира: ты еще здесь?
но в ответ пахучая тишина
танцует босиком на теплом песке,
с голубой лентой ветра в прозрачных волосах.
или это младшая сестра тишины?
с веснушчатым тонким лицом
нашелкивает песню кузнечиков,
дразнит слух занозистым звуком далекой пилы,
вздрагивает звяком собачьей цепи...
так я сейчас в каком мире? в лучшем из невозможных?
и правый берег сознания
исподволь исчезает в электрическом тумане;
я слышу тихое мур-мур мира —
песню беременной кошки
(изящно растеклась по подоконнику),
прислушиваюсь к невечному, зыбкому, сиюминутному.
так младенец в утробе
различает размазанные, будто джем,
звуки музыки извне
и не попад вздрагивает ножками,
миниатюрными кулаками.

все эти легкие чувства – шестые, седьмые, восьмые —
твои, господи, невесомые шаги.
а все мои слова – трехтонные одноразовые якоря;
я бросаю их на немыслимую глубину,
чтобы уже никогда не поднять на поверхность...

V

недорисованные портреты художников в юности,
я встречаю вас всю жизнь. ваши седеющие волосы
посыпаны пеплом рукописей —
так посыпают кусты роз золой.
только здесь уже нет цветов —
лишь неброский пустырь да ржавый штырь.
ваш талант в молодости посчитали нелепым, уродливым,
несвоевременным, мертворожденным —
и сожгли в крематории практичности,
как тряпичную куклу Гоголя,
чтобы не рвала пластмассовыми ногтями
шелковую обшивку обстоятельной жизни.
вот так прах Музы, насыщенный кальцием и печалью,
шел на удобрение чернозема, благосостояния,
в пищевую добавку для бройлерных кур.
так лирику перетапливали в жир.

вы, одаренные дети,
несостоявшиеся таланты,
точно средневековые лучники,
попадали в плен общества – вас не казнили,
но уже в школе отсекали мечом
большой и указательный пальцы,
чтобы вам больше никогда-никогда
не натянуть тетиву шикарного лука,
не сыграть птичий ноктюрн на контрабасе неба.
талантливые тени и тени высохших талантов,
сколько вас?
и где вы сейчас?

вы не доиграли, на половине пути бросили
игрушечные скрипки в траве забвения,
но кто-то подберет плюшевое недоразумение,
крокодила Гену с пуговичными диалогами,
и вырастит упертых гениев: сквозь жар, огонь,
слезы, медные трубы радости, характер и пот.
ну что же: я показываю пальцами – v – супостатам
на другом берегу, их лимузинам, пьяным огням,
благоразумному мышьяку «хлеб всему голова».
дразню их – мои пальцы целы! смотрите!
но боже! сколько раз я подбирал нелепые обрубки в траве
и пришивал их кое-как, наспех, обломком иглы
фалангу к фаланге,
верлибр к верлибру.
а сейчас моя муза в длинном вечернем платье,

исподволь перетекающем в ночной океан,
как было сказано выше,
точно палец, подносит к темным губам
двойную стрелу
из трав и пения.
из осколков стихотворений.
тсс...

«ОСЕНЬ – ГОЛОДНАЯ СКОРПИОНША...»

осень – голодная скорпионша
с клейким выводком детенышей на спине,
но никто не приютит ее, не пригреет. лишь поэт
смело протянет руку и скажет: «сигай ко мне!»
осенью каждый второй если не поэт,
то зародыш Гомера:
прошли четыре рыжих недели – без дождей и дрожи.
и каждый третий прохожий ужален роскошным ядом,
и кленовые листья хрустят и шуршат под ногами, точно
чипсы осени со вкусом Пушкина Александра.
а город, а город, а город исподволь грузно
и с грустью впадает в предзимнюю спячку;
дворник жадно сосет никотиновую лапу —
насыщается медвежьим жиром дворовой мечты.
все эти пейзажи – городские, земные, осенние,
с червивыми чертогами и грудями дряхлого золота,
с кривыми гвоздями в полусгнившей раме,
с голым ветром, босиком шагающим по листьям,
будто невидимка по острым ракушкам на берегу моря,
я никогда не забуду, где бы я ни оказался завтра:
в каком-нибудь раю/аду или на незнакомой планете.
спасибо. спасибо. спасибо...

«ОКНО ПЛАВАЕТ В ЧАШКЕ С ЧАЕМ, КАК ПОПЛАВОК...»

окно плавает в чашке с чаем, как поплавок,
и ты опускаешь взгляд в небо,
точно пакетик чая на нитке,
и памятник Ленину еще стоит
с естественно-окаменевшим, замершим лицом,
как человек-мочащийся по пояс в морской воде,
в граните истории.
а война где-то бродит рядом
минотавром с окровавленным поломанным рогом.
и небритые мальчики дерутся на ребрах.
и бурьян молчит, по горло плывет в тумане,
и луна на рассвете горько и грустно мычит,
как корова в бедламе,
и осенние лучи косой медью падают во двор,
будто лестница без перил на небеса.
и девушка-оса жалит меня, усыпляет живьем,
оставляет во мне
прожорливые личинки миров.

зеленый фонарь

невыразимое...
я в тебя угодил, как в капкан,
пошел на родник поздним вечером,
замер безрукой статуей посреди осеннего сада.
что же делать? хватать зубами
сухие ветки – узловатые карандаши,
бросаться под длинные, как лимузины, слова,
чертить чернозем, царапать асфальт...
а молодой клен обнял самку фонаря
(стеклянный цветок на железном стебле),
желтой листвой нарядил металл —
«теперь ты жива! теперь ты одна из нас!»
три девушки с распущенными волосами
грациозно выщокотали на аллею,
за ними просеменили пушистые, как норки,
запахи дорогих шампуней...
я слышал каждый шорох, осязал детали:
велосипедист пролетел, шуршание стройное спиц,
два отрока уткнулись в гаджеты, как жирные мотыльки
в кольца сиреневого света,
бьются мягкими мордами о мерцающие экраны.
и – о чудо – парень с девушкой танцуют вальс
ниже, по асфальтовому течению,
под платиновым сиянием фонаря.
она обучает парня: ангел в белой куртке и с рюкзаком;
и сотни мыслей, деталей, образов роem
жужжат, требуют, покусывают...
но сколько из впечатлений выживут?
или растают, точно крошки масла
на раскаленной сковороде бытия...
я попал в медленный ураган
из желто-красных бабочек октября,
мгновений-однодневок...

Господи, как же мне всё это выразить?
сквозь решето сознания просачивается
фосфоресцирующая соленая вода смысла.
и мысли мысли мысли
кружатся в голове, как музыка Листа:
смотри, как стремительно сорвался кленовый лист —
точно пианист с ногой в гипсе выпал из балкона.
а я выскочил из вечерних теней измененный
невыразимым – будто легкой радиацией
исказили лирический код моей души.
чуть не плакал, бежал домой,

шевелил обрубками рук, сжимал зубами
зеленый призрачный
луч...

не грусти, Златоуст

сельская тишина – толстый бутерброд с маслом,
щедро присыпанный сахаром луговых стрекоз.
в ближайшие сто лет здесь ничего не произойдет.
в future simple тебя никто не ждет.
только внезапно нахлынет красноватая синева вечеров
с повышенным гемоглобином,
и зашевелиятся хищные звезды, задвигают клешнями —
настоящие, страшные звезды,
а не мелкое городское зверье в намордниках смога.
и луна привинчена ржавыми болтами к небесам на века,
как баскетбольное кольцо,
и филин летит слишком низко – не достать
трехочковым броском. а вдруг?
(и заметалась паутина под желтым сквозняком.)
парочка поедает друг дружку под темным окном.
кожа плотной девицы с толстой косой
покрыта лунной пылью —
со вкусом плохо смытого мыла;
и поцелуи грубы и жадны, сладки и приторны,
как рахат-лукум. такое опьяняющее постоянство,
что ты не отличаешь дня от ночи.
весь ландшафт, куда ни глянь —
голубой газовый шарф с запутавшимся воробьем;
коза улеглась на старой будке,
петух важно бродит с хлястиком мозга наружу.
и по ночам упрямый мотылек
бьется головой об освещенное стекло,
как буйнопомешанный ангел
в мотоциклетном шлеме о стену.

здесь революционеры впадают в спячку, как лягушки.
здесь не имеет смысла откладывать с полочки
на путевку в Египет.
здесь всё живет согласно теореме Ерёмы.
здесь всё поддержано дремой.
и заманчивые холмы
бесконечной сказкой увиваются вдаль —
камень, брошенный вдоль болотистой гати.
и пролистав две-три страницы, два-три холма,
ты ощущаешь волшебную плотность под пальцами —
еще не скоро наступит сказке конец.
и пьянят по вечерам крепкие, как спирт,
рулады сверчков,
хочешь – грильяж созвездий погрызи.
а на рассвете грубые домики примеряют дожди,

как самки гоблинов – ожерелья...
мечты не сбылись? ну и что?!
ангелы на мотоциклах умчались без вас,
бросили с рюкзаками на проселочной дороге?
жар птица разменялась на зажигалки?

так не грусти, златоуст,
ты – нарисованный человечек на школьной доске,
и тебя медленно стирают снизу вверх,
сейчас виден один бюст, и уже растворяется
локоть во влаге.
жизнь не идет, а прыгает, как царевна лягушка
со стрелой в толстых губах,
по-песью тащит апорт, и вершины не взяты.
и тишина всё так же неприступна,
и приступ взросления длится,
спущенные колеса велосипеда шамкают
по теплой пыли, и звезда со звездой всё больше молчит.
жизнь проходит, отгесняя тебя к шумящему краю.
Господь давал помечтать,
посидеть за рулем лимузина-мира...
а затем, как щенка, бросал назад,
и вставлял ключ-рассвет в зажигание...

ПСИХО

грачи орали в микрофон,
и весенняя капель зеркально морщилась в лужах,
и ворона с лицом голодного ребенка
жаловалась на жизнь кустам остролиста
и дворнику ефиму.
а я искал любимую
в прозрачном лесу девушек,
и каждая девушка вертелась каруселью,
и щебетала на птичьем: «я здесь! я здесь!..»
но лопалась застекленная ложь многоэтажек,
акварельный весенний обман расплескался.
не солнце светило, а лягушонок
колыхался в запотевшей колбе со спиртом.
золотистые блямбы играли в хлопки,
береза стояла с пустым кульком в руке,
как сумасшедшая пловчиха
(или венера милосская, упакованная в полиэтилен).
она невпопад смеялась грачами,
но смех не взлетал высоко,
отражался от мокрых деревьев и стен, от света и луж,
как ангельский голос в соборе.
и праправнучки снежинок с грацией ртути
текли по дорогам – по своим журчащим делам.
хромированная венеция,
заросший в блестящих трубках и раструбах Harley.
не обращая внимания на хрупкий храм февраля,
я не мог прийти в себя.
последний снег лежал на затылке,
как обедненный – нет – как нищий уран.
весна – день открытых дверей,
перерезанных вен и рек трамвайными проводами.
нашествие фальшивых алмазов, ре-дизюв.
румяная печать снегирей разломана.
вот так в феврале береза надела мамино платье,
и подол ветвей волочился по мокрой земле.

ИНОПЛАНЕТЯНИН

в окне сверкали огни новогодней ели —
точно там стоял толстый треугольный инопланетянин
в игольчато-зеленом одеянии, украшенный нелепыми
ожерельями, стразами. да-да,
такой неповоротливый гость
с другой планеты, и я подумал: а Господь
правильно делает, что не показывается нам на глаза,
иначе мы бы его задолбали вопросами.
упростили (проще некуда), и вот он неповоротливый,
уязвимо-счастливый накормлен кашей
«славься» до пупа.
нет, боги должны оставаться незаметными —
невидимки во время дождя —
вытягивать нас, как тепло из щелей дома,
как печной дым – только вверх или в сторону,
а там дальше – лес настоящий: ели высокие и мрачные,
великаны, не кастрированные цивилизацией...
и я даже не знаю, кто мне симпатичней —
деревья-волки или деревья-собаки.
боги, которые признали отцовство или те,
что даже не обернулись. только однажды
на прощанье взглянули в окно...
там сверкали огни...

красный лес

ты живешь во мне.
и каждое утро подходишь к глазам
изнутри моей головы, точно к французским окнам —
чистое литое стекло разлито до самых пят,
и ты потягиваешься на цыпочках и смотришь
на едва шевелящийся зеленью водопад нового дня,
оставаясь собою.
смотришь на знакомо незнакомый мир after-dinosaurs,
на просыпающийся в сиреневых камушках город...
я подарил тебе яркую каплю бессмертия,
впустил тебя хищной неясью
в красный лес своего сердца...

когда-то
я целовал тебя, всасывал сладкий дымок
из глиняных рожков твоей груди,
поглощал солоноватую суть
полупрозрачных ключиц и шеи,
приминал пальцами муаровое свечение на лопатках;
я осязал твое сознание —
точно пушистый одуванчик в руке, —
и оставалось только нежно подуть тебе в глаза,
чтобы ты распушилась по спальне,
медленно закружилась тысячей и одной
ласковой лебяжьей иглой...
а потом мы засыпали, хрестоматийно обнявшись;
иногда я вздрагивал в полусне, точно холодильник,
и ты нежно гладила меня по загривку.
наша жилистая от множества проводов квартира
нуждалась в ремонте, словно бедный факир —
в новой корзине для змей-танцовщиц.
и не было у нас ни золотых рыб, ни синего моря —
лишь монументальный вид из окна
наподобие... (удалено модератором)

я был ребенком внутри корабля,
а ты была моим таинственным морем.
я боролся с дневным светом — лучами твоей свечи.
никто из нас не хотел уступать,
никто не хотел сдаваться,
проигрывать обжигающей темноте,
разрастающейся между нами.
я шептал «выкл», но твоя любовь мягко сияла.
ты исподволь становилась частью меня,
победоносно вкладывалась в мой мозг,

как лезвие – в перочинный нож.
как ребро, переросшее Адама...

любимая,
я стал заложником полезных привычек,
меня с годами поражает вселенский голод:
все, кого я запоминаю, становятся мною.
вот так мы находим продолжение души
в бесценном камушке, найденном на берегу моря,
в женщине, идее, дереве на горе,
в теореме, триреме, тереме,
в деревенской глуши, в дебрях науки,
в бессмертных, мерцающих садах искусства,
в крохотной теплой ладошке внука...
держи меня, соломинка, держи...

«осенний лес, как беспризорник...»

осенний лес, как беспризорник,
нюхает клей из целлофанового кулька;
листву безжалостно выгоняют на пенсию – в перегной,
без выходного пособия.
дороги после танков больше не доверяют
ни бездумным шагам людей, ни шинам машин,
даже песьим лапам.
в городе по ночам от обилия фонарей, огней
вымирают созвездия – небесные мамонты.
и ты обломком бивня упираешься в звезду,
лбом – в грязное стекло общаги.
а воздух – снаружи, внутри —
виртуозно отравлен на зависть Медичи,
(оглашается список добровольцев-горынычей,
гостей-канцерогенов)
и ты молишься о внезапном очищающем дожде,
будто о манне небесной.
и дождь исподволь начинает идти,
но какой-то мазутный, вперемешку с градом.
капли не падают, а косо дрожат, как струны.
прохожие с зонтами вибрируют на улицах —
черными замочными скважинами
бороздят вечерний город,
а ключи – от людей – утеряны Богом...
Господи, сколько же миров
умирает втемную?

«да сколько можно писать про эти спальни...»

да сколько можно писать про эти спальни,
но что поделать,
если просыпаться с тобой одно наслаждение —
так привидения нежатся под побеленными потолками,
трутся фантомной кожей об известь.
по сути так мало нужно для счастья:
пробник с эндорфинами,
солнечный лягушонок любимой,
препарированный лаской и нежностью,
зажимы касаний, красные скобы дыхания.
и слюна реальности вмиг высыхает,
точно яд гюрзы на горячем камне.
каравелла длинных спутанных волос,
с якорями, водорослями, сережкой (забыла снять)
покоится на сгибе локтя, на отмели,
изучает пупок: пустышка небытия,
дверь, заложённая кремовым кирпичом,
оттуда мы выползли —
из оранжевой овальной тьмы.

спасибо, Господи, что достал ребро,
заиндевший слиток из холодильника,
растопил, переплавил в золотистую реку,
а женское тело – речное дно на мелководье,
опускаешь руки по локоть в плоть,
гладишь песок, вязкую шкуру прибрежного зверя,
веерные ракушки сосков,
и промелькнет малек родинки.
и не важно, кто входил в ручей до меня.
я не хочу знать, откуда этот тонкий шрам
от кесарева сечения. на раз-два-три
вымрете все акулы. хитрая рыбка
улыбки, и лобок – бритый причал,
и даже если я сейчас ерунду написал – это не страшно,
но где-то рядом притаилась глубина,
настоящая, темная, хищная...

сон номер девять

мальчишка на трехколесном спешил ко мне,
улыбался солнцем во весь проспект.
и я проснулся в слезах, точно кулек в росе
среди синей отяжелевшей травы.
я выдохнул: «Боже, прости...»
так есть ли жизнь
после меня? гомункулы, плоды абортгов,
укоризненно смотрят с потолка, не моргая:
восковые пауки с детскими лицами.
обиженно кривят тонкие губы-жвалы.
но что я могу вам сказать? самому повезло.
меня запросто могло и не быть, если бы да кабы,
такая же случайность – вцепился зубами
(мама, прости!) в яйцеклетку,
в сладкое печенье.
какая же тонкая призрачная тварь – грань
между «быть» и «не быть»,
между Гамлетом и гетто.
и я наугад протягиваю стихов трассирующую нить
сквозь черную иглу Вселенной,
а творец, точно пьяный Чапаев, вслепую шмалает
из пулемета по знакам Зодиака,
и ночь полыхает в зарницах без конца и края.
только природа всегда тебе рада,
как холодильник еде.
ты снишься Господу, а когда Он проснется —
то вряд ли вспомнит, что ему снилось.
лопоухий мальчишка с глазами лани...
кто ты?

кто же ты?
последняя надежда мира,
принявшая химеричный размах.
мальчишка на башне из слонов:
стоишь на плечах
миллионов... истлевшие жизни.
пепел в окне электрички
тускло звенит,
тянешься к окну в звезде.
робко стучишь:
а Господь дома?
он к нам выйдет,
заметит нас...
смотри – целый мир
встал на цыпочки,

из огня и мрака
сквозь жир и безумия
протягивает лапу:
давай дружить!
помоги мне...

«спешим к закату, как бродячие муравьи...»

спешим к закату, как бродячие муравьи,
сползаемся к сладким ранам на кухнях,
навyleт раненные усталостью,
багровыми пулями заката, точно дозу терпкой смерти
нам капнули на шипящий мозг из пипетки
вперемешку с новостями, рекламой, сериалами.
не смертельную. и каждый вечер,
как на веере рулетки с магнитом,
нам выпадает один и тот же номер —
чуть-чуть несчастливый,
на который мы поставили свои жизни...

а вот расшатавшийся диван-кашалот:
его кормят не кальмарами, но тапками, зевотой,
осторожными поцелуями, позолотой,
поножовщиной ног, супом, мурчанием, икотой.
наш вечер – счастливая пчела,
пусть она и застряла в песочных часах,
в липко-сладкой бутылке из-под лимонада.
мы с тобой измеряем вечность
тем, чем нам доверили: любовью, глупостью, обидой,
душевым теплом, кайфом, заботой...
но иногда я выхожу в трусах на балкон,
смотрю на огни ночного города
и чувствую себя обманутым муравьедом...
чувствую голод судьбы.
может, завтра не вернуться домой?

огненные доберманы

я читал до четырех пополудни, и вот – выхожу
в осенний навал, в напалм рыжих лапчатых бестий
и черных вычурных скелетонев.
собака длинная, изящная, как лань
проворно делает растяжку на мусорном баке,
а в небесах стая птиц синхронно раскачивает
широкие колокола из голубой эмали,
но – звук вырван как зуб, срезан, как скальп.
но – не удержать за поводки этот мир,
это море людское,
мир многообразный, остервенело рвущийся на волю.
и трамвай сходит с холма апостолом насекомых —
похожий ликом на красного муравья – и фары горят,
а правая фара горит ярче —
светящийся синяк под глазом.
девушка на остановке ждет маршрутку
и непринужденно разучивает па из модного танца,
поскакивает с легким вызовом в черных лосинах,
чем и украшает обычный, набыченный день октября.
ржавый железный остов от летнего кафе
веселит нескладностью – остов подобен неправильно
собранному скелету плезиозавра.
прошлой ночью, оставив на твоём теле граффити
фломастерами – со страстью —
на зависть самой Нефертити, я иду сквозь тебя,
сквозь акварельное сияние слов.
уверен, ветрен, но настойчив.
иду сквозь осень, сквозь ржавый фарватер,
фаворит, несомненно, – даже если и темная лошадь.
мужики играют в футбол. выделяется грузный защитник
с взглядом и видом сосредоточенной свиньи.
кленовые листья пытаются втиснуться в ритм игры,
но листву не берут в команду.
скоро появятся первые заморозки, ледяная змея
выдохнет иней на сине-баклажанные травы,
а здесь чугунная урна отрыгивает увядшую розу
и смятый пакет из-под кефира.
душа парит над миром, едва касаясь крыши универмага.
эпоха безвкусная и эпатажная, как леди Гага,
примеряет платья из одноразовых вещей
контрацептивы, посуду, знакомства, манекены любви
«пока-пока»
с очарованием целующихся на помаженных вшей,
что радуется – так это осень. и огненные доберманы
остроухо беснуются в парке,

и на густых гнутых волнах тумана
серфингистом по ночам в город въезжает,
словно вырезанный из сыра, лунный мальчик
в ярких плавках рекламы.
весь в неоновых дырах. и сквозь него ночь красиво
грызет гранитный сухарь проспекта,
грызет черные ребра города, и луна желтой мухой
дрожит в кружевах каменной паутины. осень.

огненные доберманы, заберите меня к маме,
пусть соберет мою голову с вечера в школу
и даст с собой яблоко, бутерброды,
расклевенную ложь октября.
это осень стучится в висках,
как красотка в фанерную дверь,
а с лица героя – кусками льда с бедра Антарктики —
откалывается время прошедшее,
сколотый мел.
время – никуда не вошедшее, ни в Красную книгу,
ни во Льва Толстого.
собрание сочинений Вселенной выйдет без нас.
в золотом тиснении осени. осень, твои листья —
неправильные, неподобранные люди, любительские
стихи, которые никто никогда не прочтет.
это осень идет по расхристанным дворам
ослепшей грузной ведьмой.
спотыкается. больно бьется локтем и матерится.
рассыпает из подола
на тропинки, площадки и парковочные места
желтые листья, собачью шерсть, пауков ветра,
карасей солнца.
и постаревший персей на синей скамье
куняет в затхлых лабиринтах кроссворда.

зеленый парусник

конец августа дождлив, зеленовато-оливков.
джин, уволенный из восточной сказки,
внимательно рассматривает витрину
мини-мини-маркета —
ищет белое полусладкое по 39,20.
погода капризна, как бывшая перед месячными.
в одиночестве сладко потягиваюсь по утрам,
уже чувствую присутствие осени – мистическое —
так чувствуешь
теплую кошку, идеально уснувшую в ногах
под одеялом. но в одиночестве ты никогда не одинок.
бледная дева лежит рядом.
отвернувшись, выставила мраморное бедро
цвета сырой рыбы, вывалянной в муке.
потолок
напоминает флегматичного выбеленного сома.
если у меня и была душа, то она ушла к другому.
судьба не то чтобы настроилась на автопилот,
но прошедшее всё настойчивей манит во тьму,
как извращенец в парке.
выгибаясь рычащей аркой,
по утрам я ищу свое сердце.
надавливаю пальцами чуть ниже области на груди
(где прячется жировик размером с перепелиное яйцо),
но там нет ничего.
там нет ни-че-го...
мне не больно. мне не больно. мне совсем не больно.
амфора – полая грудина – благоухает оливками,
мифами, мылом, несбывшимися желаниями.
да, была любовь, но ушла к другому.
а мне оставила разогретый завтрак в микроволновке
и кипу стихов на флешке.

зеленый парусник неудачи мелькает за окном,
и неповоротливый человек-альбатрос
выглядывает в приоткрытое окно.
так делают две трети дрянных авторов.
а за окном по аллее спешит девушка с зонтом,
в зеленой куртке. взгляд со спины —
золотистые распущенные волосы прибраны под воротник,
волосы колышутся капюшоном нежной кобры.
она скользит на работу,
и лучше ей в лицо не смотри.

десять негрят

прошел огонь, воду, медные трубы.
нарколога, первую жену, вторую.
ввалился в умопомрачительную весну,
как во второй класс —
оставленный на который год? а вокруг
уже буйно цветут каштаны – зеленые слонята
с кремовыми бантами, вплетенными
в пирамидальные уши.
много бантов, много слоновьих ушей.
цветет сирень —
бракованные огнетушители
с пятнами выхарканной пены.
я столько запретов нарушил, вышел
из теоремы на палубу покурить. и был смыт
брутальной волной перемен. теперь я
не с тобой, не с ним. они без меня.
проглочен мраморным Левиафаном
метрополитена.
каждое утро в ритме рабства
спешу на работу.
все лабиринты заброшены, коридоры
забиты под потолок
строительным мусором – битым кирпичом,
обрывками старых газет.
Минотавр грызет кости.
совесть грызет Минотавра.
уже не помню твоего лица.
портрет дамы с горностаем прикопан в лесу,
покрыт муравьями, мокрицами, палой листвой.
мои шаги тяжелы, как гири,
мысли пускают корни,
смерть – магнит, а кто-то покрыл душу
металлической пылью.
как привидение – краской из аэрозоля.

ты едва светишься.
цок-цок. слышишь? это десять негрят
крадутся за твоей спиной
с черными тряпками,
с лунными швабрами забвения.
но ты еще мерцаешь
среди яркой черноты реклам.
вытащи же голову из смолы.
внимательно посмотри на настоящее —
звнящее жало бормашины,

засасывающий зрачок.
не бойся, мой друг, живи
собственной глупостью.
жизнь твоя и ничья —
здесь еще никого не было до тебя.
ни Бога, ни Дьявола, ни соседа Бори.
человечество – безумный зонд,
направленный в неизведанную тьму,
тroyанский зверь с разумом,
подмешанным, как ЛСД, в кофе.
есть люди, которые погасли.
но они не черны – их обозначает
внутренний свет,
отблески иных лет.
однажды и ты станешь звездой.

река однажды-войти-не-выйти

это сказочный лес, но деревья растут без листьев,
точно волосы под микроскопом:
чешуйчатые, гибкие. вместо певчих
птиц топырятся лоскутья омертвелой кожи.
свистят, пищат, хрипят юродивые заводы.
как сомнамбулы, бродят прохожие
в железных масках,
болтаются пыльные мозги на резинках.
и течет река однажды-войти-не-выйти, но без воды —
лишь прозрачная плотность изгибается
под натиском ветра. и обнаженные караси —
хромированный стриптиз чешуи —
ровно плывут по воздуху, вихляют,
отбрасывают косые тени на тротуар.
растет, как перевернутый ядерный гриб,
город, где каждый горожанин
на три четверти одинок,
радиоактивен, обезличен, ребенок.

детей оставили в каменных джунглях
поиграть в прятки, квача, войнушки, любовь.
смотри, выпускное фото: тонкие белые шеи,
большие головы, зализанные челки, улыбки,
лица-подсолнухи тянутся к солнцу будущего,
умильная лопоушесть, наивность, вера, живые глаза.
где же теперь все они?
ходи-броди с прожектором
в темных обморочных лесах,
колодкой стучи в королевстве интернета,
но найдешь не всех, по-настоящему – никого.
только – устаревшие модели полубогов,
фотогеничные клетки, циничная яркая плесень.
всплески одуряющего веселья...
и закат, как вставную гладкую челюсть,
ты всовываешь в разинутый от удивления рот —
абрикосовая муть, стакан окна.
жизнь, как краб, пятится задом наперед.

сталевар

жизнь – точно каша из топора.
точно снеговик в феврале.
чуть тревожно, замороженно
гляжу на летящих грачей. в крови
всё меньше алкоголя, всё больше мраморной крошки,
в длинных мыслях блестят залысины классицизма.
рукописи не горят, но автор стареет,
сморщивается, как яблоко в духовке.
еще несколько десятилетий —
и стихи – большие желтые курицы —
станут обходить меня стороной,
потешные тираннозавры,
пренебрежительно трясти
малиновыми гребешками: «мы не знакомы...»
будто не я создал их... вылупил
из небытия... а ведь это правда:
я только провод оголенный, но не ток,
не голубой сгусток спрессованной боли.
рука, придающая кувшину форму, —
часть кувшина, холодный глоток.

отставь пафос, скромность, эгоизм
и тысячу голодных
химер на жердях.
честолюбивые замыслы кусают
орущего младенца в люльке – как тараканы —
за щеки и за пальчики. и что такое творчество?
выстрел наугад
в первобытную тьму звериную
из мушкета, заряженного тишиной,
пылью, прахом, детством,
сердцем. первой любовью.
паутиной, смоченной слюной.
и что за зверя ты подстрелил?
трехтомник – разрубленный питон.
на несколько частей.
но растет душа.
растет термитник вглубь.
хочешь плавить сталь?
Господи,
используй меня, как доменную печь.
да хоть целую вечность!
человек может быть бесконечным.
чек жизни с непроставленной
суммой дней, с акварельной подписью творца.

борись. люби. стихи.
расти до конца.

ВЕСНУШКИ

это – упоение мгновением весны.
тощий медведь выплюхивается из берлоги
и хватает сырой воздух черными ноздрями
в поисках запахов ягод, ароматной тоски
мертвого суслика под настом.
природа, устав от реальности,
от прозы зимних дней,
разговелась овсянкой талого льда,
слопала длинноухого кролика асфальта
и осматривает мир после сна мутными глазами окон
с закисшими веками ставень и жалюзи.
обрывки сновидений еще вращаются в голове
цветными конфетти в стеклянном шаре;
груды снега громоздятся на тротуарах,
груды снега подобны раковинам и унитазам,
выброшенным за ненадобностью на улицу —
хрустальный авангардизм.
земля соскучилась,
земля постанывает от вмятин подошв,
от колотых ран каблуков – горизонтальный йог
соскучился по сосновым иглам, углям, истязаниям...
а ты плывешь на свидание, поющая рыба-пила.
и вот веснушки прыгают с щек в солнечный воздух —
так голые ирландцы сигают
в зеркальную гущу озера с обрыва, —
и позже ты поклянешься на
прозрачной библии апреля
(высохшая ромашка заложена
между откровениями от абрикосов):
когда целовал ее —
ловил языком смешинки,
словно жаба – кисельных, вкусных мошек.

семилетний Галилей

это – карамельное сияние лета:
яйцеклетка природы оплодотворена,
и художник в белой майке и смешной панаме,
с облупленными от загара плечами
раскладывает треножник в парке —
парусник с квадратным парусом.
летний континуум длится.
фонтан, сверкая хромом,
тасует колоду жидких карт из ртути,
показывает ершистые фокусы,
и ветер внезапно вытягивает даму брызг.
вот тени от капель, тень ветра (дагерротип в листве);
птицы вычерчивают параболы,
как дети, дразнят деревья.
весь мир движется,
громадный дворец франкенштейна
тащится на скрипучих колесиках рояля,
и детали
запрыгивают к тебе на глаза,
как беспризорники 30-х на копчики трамваев.
вот так – где бы ты ни творил —
ты всегда нужен миру,
цепляешь ли акварельные рисунки пластилином
к дорогим обоям, получая от родителей
свое первое маленькое средневековье...
семилетний галилей.
и пусть никому, никому не нужно твое творчество:
зыбкий шорох мелодии в чешках —
безумству талантливых.

жемчужина ненастья

сонный дождливый день —
блюдо с вареной рыбой в пансионате.
мы с тобой укрылись в темном номере. валяемся
на кровати,
переплелись медными телами в змеином барельефе.
пока ты дышишь, я читаю тебя,
читаю твое дивное длинное тело —
самовлюбленную поэму
о сладкоголосых поющих пустынях,
о надменных принцессах и загорелых крестоносцах.
несу теплое молоко в горячем шлеме,
не расплескать бы. все строфы – от бедер и талии
до груди и шеи – написаны шрифтом Брайля.
да, я слепой чтец.
я нежно провожу и надавливаю
сильными пальцами, губами
выпуклые символы с права налево.
и затем слева направо.

места, где тысячелетия назад теснилась рыба чешуя,
а позже поры бледной кожи
лунились лунками для лун, для незримых клещей,
теперь марсианские буквы в движениях
сливаются в жадные слова любви и страсти.
я разламываю тебя, как спелый персик.
вот сладкий сок на пальцах,
и бритые подмышки – бархатистые выемки,
где раньше косточка лежала.
острые углы окружающего нас мира...
мы сворачиваем в конверты, как блины.
купальник висит на стуле обмякшей марионеткой
в красно-зелено-черных треугольниках.
а за окном задремавшим кучером на качелях
нас ждет
целый мир.
там мягкий песчаный берег
двумя пальцами – крепко, но бережно и осторожно —
держит громадного жука за бока – панцирь сверкает
синей взъерошенной
сталью
(прибой мельтешит углами лап,
но не достает до пальцев).
тусклое солнце всё там же,
женская голова в корзине с цветами
нырнула и вынырнула. портье ковыряется в носу.

даже не верится, что я когда-то гостил
в зале ожидания для несчастных влюбленных.
зал ожидания для несчастных влюбленных: там сидят
годами на неудобных стульях в неудобных позах,
зарабатывают радикулит, ожирение и геморрой,
зализывают и разлизывают сердечные раны,
выпивают сто тысяч чашек растворимого кофе,
заплетают на ушах чучела рыси седые косы.
тоска.

но теперь у меня есть ты, есть ты и тишина,
тишина между нашими поцелуями —
жемчужный туман от дыхания на зеркале,
и я пальцем рисую сердце,
пронзенное стрелой с громоздким оперением.
фаллический символ разросся до жуткого сада.
любимая, надевай платье, страницы (можно без белья)
и поехали кататься на лодке в этот пасмурный день.
парой влюбленных моллюсков
будем нянчить жемчужину ненастья,
одну на двоих...

реальность, прощай!

как же я оказался на чердаке?
вот картонный ящик с грецкими орехами —
я зачерпываю пригоршню плодов,
и высыпаю их обратно, словно крошечные черепки.
и смотрю сквозь окно
на дождливое недружелюбное небо,
небо похоже на мрачного полицейского,
вызывающе жует зубочистки деревьев,
надвинуло козырек горизонта на самые глаза.
что я здесь делаю?
прислоняюсь лбом к холодному, точно стетоскоп, стеклу,
и с жадностью созерцаю
кусочек еще теплого,
еще не отброшенного мира как ящерица,
которая решила оглянуться на свой любимый хвостик,
прежде чем нажать на рычаг,
сократить необходимые мышцы. реальность, прощай!
медленно дотрагиваюсь языком до холодного стекла —
стекло горькое на вкус,
за годы пропиталось лунным светом.
вот так устроена волшебная лампа аладдина.
но что я здесь делаю?
время снежинками отслаивается от меня,
перхоть судьбы.
я чувствую, как превращаюсь в воспоминание,
прошедшее застывает, словно холодец.
и бабочка, не испытав полета,
вновь становится беспомощной куколкой,
узор морщится на крыльях
и сворачивается, подобно вееру.
еще мгновение — и ничего, ничего не останется,
кроме отпечатка прохлады на лбу...
лунная горечь во рту и пряный запах орехов.

рецепт дождя

это разговор ни о чем
в шлепающей тишине дождя за окном.
ты катаешь тесто для пельменей —
выдавливаешь рюмкой слепки для поцелуев
и заворачиваешь в них кусочки куриного фарша,
а дождь штрихованно шумит за окном,
и не хочется включать телевизор —
впускать громкого жизнерадостного ублюдка
в заливное переливчатое пространство,
в нашу страну чудес.
и зеркало сидит в прихожей на тумбе
замечтавшейся алисой,
гладит белого кролика, который дремлет на коленях,
и мечтательно накручивает прядь волос на палец:
зеркало выходит из самого себя — тестом зазеркалья.
весь мир выходит из себя, поднимается
на горьких осенних дрожжах.

дождь не отпускает город —
вцепился, как гончая в подстреленную куропатку,
пропитывает горячие раны от дробы и смятые перья
вязкой слюной, дыханием.
мы сейчас на китобойном судне —
рассекаем кварталы, буравим гарпуном ограды,
многоярусные прозрачные груди ветра.
это легкая радость, на вкус — китовый жир.
новенький хлыст, которым любишься, сидя на стуле.
во время дождя особенно ясно чувствуешь,
что все люди — острова одного огромного архипелага,
и хищные воды протягивают акульки пасти,
хотят затопить детскую площадку —
игрушечный космодром,
и газетный киоск — прозрачный,
словно кабина для душа,
и ты видишь лицо соседа с сигаретой
в окне дома напротив...
лицо тлеет куском торфа,
и деревья движутся в дожде — изрезанные —
вихляют плавниками вертикально-тусклые рыбы.
а дома; вдалеке — скученный певчий хор
мальчиков-циклопов
(многие уже нацепили золотые монокли).
и береза — высокая и плечистая, как баскетболистка, —
держит перед собой двумя руками
слишком рано зажегшийся фонарь... дневную луну...

баскетбольный мяч... выбирай сам.

вечерет. чернила, разбавленные кефиром и кровью,
быстро сбегает с лезвия гильотины, а дождь
не кончается, даже не берет легкие музыкальные паузы.
у улицы идет кровь носом,
и улица запрокинула голову в плоские облака афиши —
патлатые гастроли,
и стекает прозрачная кровь вдоль носоглотки
водосточной трубы и – прямо в желудок с решеткой
(животы тротуаров). и еще не опавшие листья —
не в силах прошептать «ой, мама...» —
держатся кучно на деревьях,
точно свернутые паруса на матчах.
рабочие в синих плащах переносят картины из лувра
на борт воображаемого ковчега.
от каждой твари – по паре шедевров.
...а потом дождь заканчивается. внезапно.
ребенок проснулся и улыбается неведомо чему.
и ты напоследок замечаешь,
что название улицы и номер дома
на сырой бетонной плоскости
(взлетная полоса аэродрома, поставленная на попу)
пустили ржавые потеки —
потекла тушь на ресницах зареванной девушки.

ВЫХОДНЫЕ

любимая, скоро восемь. осень,
как глупая собака, прыгает на прохожих,
дурачится с ними, царапает куртки
нестриженными когтями.
девочка соня во дворе прыгает на скакалке,
а белая любознательная собака считает витки.
крепко усатый сосед разговаривает с почтальоном
властно и доверительно,
точно с жуком в спичечном коробке.
этим вечером ты поставишь банки на спину
простуженному мальчику диме:
пламенные засосы джинов
в скафандрах.
и впереди нас ждет любовь, и уют,
и субботы двухголовый верблюд.

ТЕНЬ ВЕТРА

послепоцелуйная нега...
однажды ты очнешься в созвездии омега —
но уже без меня.
я вернусь в прежний мир франтом,
фантомом и пройду по фруктовому саду,
зайду в дом сквозь бамбуковую занавеску —
не стучась, без капли сомнения.
вот умывальник-циклоп с куском приклеенного зеркала,
с брнчающим соском (надо вдавливать пальцами).
и зычный голос соседки
проплывет над сохнувшими простынями брассом —
альбатрос на спине. навеки.
мне выйдет навстречу мальчик в рубашке и шортах,
черные волосы зачесаны на бок.
и я услышу позади скрип калитки —
так ржавый паганини тянется к масленке
и скрипит поясница. протяжно скрипит тень ветра —
тень ржавого от слез железного пера.
бабушка возвращается с рынка...
летний день, как гордая опухоль,
разросшаяся в самостоятельную вечность; день
такой длинный, исписанное письмо на четыре страницы
не влезает в конверт двора, и я загибаю края,
где шелковица старой цыганки и густая земля в синяках
и кровавых побоях от раздавленных ягод —
«побоище ампулок» – говорила кузина.
склеиваю конверт, проводя языком по золотистой кайме
на фиолетовой чашке – балуюсь, наслаждаюсь чаем,
а глаза слипаются, сон льется откуда-то сверху,
выше старенькой иконы в углу
(маленькая, как бы напуганная богоматерь),
и теплый бульон сновидений
капает на лоб и щеки.
или это бабушка уже целует меня —
«спокойной ночи».
это бесконечный поцелуй,
его передают столетиями, как мощи святого или чудо,
он вмещает в себя все невыразимые зимы.
послепоцелуйная нега...
да, ты очнешься в созвездии омега —
но уже без меня.

«будто лось обдирает кору с яблонь...»

будто лось обдирает кору с яблонь,
я ем твои руки и голень. это голод
сердечный – не только похоть, не только
размножения ради я проваливаюсь в тебя —
падаю в колодец из лестничных клеток —
и в то же время в небо... фраза «я-тебя-люблю»
звучит гулко среди голых стен тела,
беззащитное эхо чего-то большого, настоящего,
грохнувшегося оземь, метровое перо птицы Гамаюн.
сознание – пустая тарелка, я смахиваю со стола
ножи и вилки логики: пошли вон!
если наша спальня – аэродром
для высадки гормонов,
сперматозоидов, заправки керосином эйфории,
то куда же мы летим, любимая?
я вижу в окно
обтекаемый силуэт твоего самолета,
ты мигаешь мне рубиновыми угольками.
и это вижу только я: взмах ресниц —
отточенный, как монетка вора, блеск зеленых глаз
предназначены лишь для меня.
даже не верится, что мы смогли
так прикипеть друг к другу – подошли
осколки двух разбитых кувшинов,
созданных на разных планетах.
в тебе было оливковое масло и молоко,
во мне – сырая нефть.

ты называешь меня маньяком,
эротическим самураем, а я выскальзываю
в метрополитен одиночества
после закрытия любви —
там я могу собраться с мыслями,
точно кот с девятью жизнями,
там я могу писать стихи. извини,
тебе сюда нельзя, но ты и не стремишься —
тебе достаточно и половины царства.
или недостаточно?
как борец, смотришь мне в ноги:
бросок, захват, двойной Мендельсон
и обручальное кольцо. но сквозь него
не пролезть верблюжонку
в царство супружеское —
он задохнется в золотой петле.
ты вздрагиваешь,

как деталь при звуке фрезерного станка.
я смотрю в твои глаза,
опускаю прозрачные письма в темную бутылку,
а за моей спиной встает зеленой стеной
цунами.
нет, не оглянись.

«как здорово просто быть...»

как здорово просто быть,
чувствовать себя живым...
сознание чисто и безмятежно,
как небо до появления птеродактилей,
стрижей, боингов, мессершмиттов,
и ты – легкая ветка, упавшая на паутину, —
спокойно так лежишь на проводах,
точно на спине пловец:
не дергаясь, не трепыхаясь —
миллионер смысла.
и солнце светит, и растет трава, и паук,
который здесь развесил солнечные сети,
не прибежит по ложной тревоге:
его сожрали другие пауки —
до Рождества Христова.
как классно просто быть и не морочить
голову вопросом Гамлета.
заглядывать в глаза прекрасным незнакомкам,
уверенно бросать наглые улыбочивые дротики.
конечно, быть. с тобою,
без тебя.

как здорово
жевать листок сливы,
смотреть, как цветут каштаны —
монструозные канделябры
с кремовыми треугольными свечами.
объявление на столбе под легким ветром
шевелит телефонными номерами —
так сиамские дети на качелях
болтают ножками
над бетонной пропастью.
и звонок мобильного проходит сквозь голову мою,
как спица сквозь медузу.
но я прохожу – невредим.
четыре стула летнего кафе
сгрудились вместе за столом,
как знатоки что-где-когда
или медиумы, вызывая дух кока-колы.
я вытряхиваю из ума знаки вопросов,
точно сор из кармана.
мне всё равно – я только существую,
вцепился в Слово, как в дельфина;
потерпев крушение,
несусь по волнам,

соскальзываю.

как классно просто быть. шагать по мостовой,
царапать кальку времени глазами
и следы на кальке
оставлять поверх чужих следов.
простая радость бытия: банан,
пирожное с заварным кремом
и взгляд внимательный вперед —
на полминуты. мне хватит,
чтобы сохраниться.
так шахматист сметает фигурки с доски
и смотрит на лицо, отраженное в покрытии:
люстры огненный клещ;
так перезагружаешь себя.
есть несколько минут отвлечься,
обратить внимание на мир:
на весах снаружи и внутри всё идеально —
перышко колибри и гиря нашли равновесие.
это чувство есть у каждого внутри:
пустой аэродром ранним утром
и старик с растянутой кожей на шее, как у варана,
гуляет по прохладному бетону.

В ЗЕЛЕНОМ КИМОНО

вот и появился жаркий месяц май.
солнце-паяльник включили в розетку
и быстро проводят розовым пальцем по жалу:
нагревается ли?
а в городе царит пушистая эпидемия —
чихающая, плюющаяся.
это ветер разносит тополиный пух —
безумный почтальон в зеленом кимоно
потрошит пухлые конверты
со спорами майской язвы.
люди, точно угорелые,
несутся к отверстиям в горячем камне,
чтобы укрыться от напасти —
удушливой, щекотливой.

медленно звонят колокола собора.
тяжело и в то же время плавно,
чинно плывут по обмелевшему небу
медно-гофрированные глыбы звука.
и тополиный пух
стаей подпрыгивающих белых грызунов
движется под мелодию пухолова,
точно души призрачные плывут
на призывное «ко мне!» Бога. я представляю
миллионы сложных существ, подобных мне,
и каждое размером с пушинку.
ощущаю медленный снегопад
подобных душ... ведь правда?
зыблются, вальсируют, фыркают,
бессмысленно исчезают пуховые люди.
или я вас обманываю?

«веранда ломкая ...»

веранда ломкая —
рассохшийся макет фрегата.
запах мочи, моченых яблок,
полутьма в коридоре, вешалка,
стол, обитый клеенкой, тесак,
куриное перо прилипло к лезвию,
тень оконной рамы, бронзовая чехарда пылинок,
белиберда. слова шатаются, как пьяные.
мы здесь когда-то снимали
розовую пену с кипящего варенья.
желтый эмалированный таз с родимым пятном
на внутренней части бедра.
но сейчас здесь правит бал энтропия,
скудоумие, летаргия. здесь беженцы живут
и пьют дешевое вино и поминают лихом
тот мир, что их толкнул в чужую паутину.
а дальше в коридорах запах книг,
настоянный на маслах нечитания, —
тяжелый желтый веер сов. энциклопедии,
мумии информации, крепко перебинтованные,
точно обгоревшие летчики.
усопшие невесомые мухи крючуются
в стеклянном чреве плафона.
и снова полутьма – рыхлая харя
с воспаленными веками,
злые, напуганные глаза. кислая вонь
отсыревшего белья.
напряженные силуэты,
точно чехлы для громадной гитары,
муж и жена. кто вы? кто вы?
кто мы?
здесь нас забыли, здесь нас потеряли,
зачем мы сюда забрели?

здесь твоя бабка лазила по деревьям, как пацан,
собирала вишни, груши.
здесь мы растворились друг в друге.
кристаллы сахара, «Юпи» – просто добавь воды.
помнишь?
химическая горькая сладость...
добавь немного безумия и любви
(быстрорастворимой ерунды),
любопытства – и получишь прошедшее,
волшебную чушь.
здесь нас больше нет.

жизнь после нас подобна плагиату.

«В ней проступала грация...»

в ней проступала грация
как кошка сквозь занавески.
пригласила на чай.
и вот она, долгожданная аудиенция.
но Вильгельм Телль преступно медлил,
натянутая струна впивалась в пальцы,
как струна в мыло,
и глупый шмель бился за окном в занавески.
лианы вожделения
щекотали уши, а райское яблоко – вот оно,
желанное, манящее, дразнящее – вот оно.
где же ты, змей, помоги мне...
глубокий вырез на спине – как скала,
и, разогнавшись, соскальзывал на дельтаплане,
и родинка, как гнездо ласточки в отвесном камне.
это смертельный прыжок
в неподвижное (зеленый бетон) море женщины.
мы прилипли друг к другу, словно водоросли;
объятия, поцелуи со вкусом зубной пасты,
и распахнутая дверь на балконе
втягивала нас и возвращала,
как волна прибое – оранжевые сланцы.
а в начале был чай и несколько травоядных слов
(тираннозавры появились позже, где-то в мае),
неопытность, как лягушачья кожа,
сбросив которую мы свету являем
хитрого, хищного продолжателя рода...

шикарное воспоминание – как норковая шуба.
в ящик памяти насыплю таблеток от моли,
чтобы спустя годы не смотреть на себя сквозь дыры
в шерстяном тумане... что же здесь было?
что от моей жизни осталось?
аллея пустоты с кленовыми драконьими лапами,
с разбросанными тут и там глазами...

преграды

рассвет притянут к небесам
стальными нитями,
привинчен косыми болтами лучей,
и серые домины выступают из теней,
как крупные зубы из челюсти.
а я смотрю в потолок, и потолок смотрит в меня,
сквозь меня,
и видит книгу Рэя Бредбери и носок под кроватью,
песочная женщина лежит рядом со мной, свернувшись,
как пустыня под тонким слоем снега.
и я могу пальцем вывести на заснеженной коже плеча
«что тебе снилось, любимая?»,
нежно зачерпнуть песок из ее живота.
я чувствую свои несуществующие крылья —
или это широчайшие мышцы спины постанывают
от удовольствия? ночное море отступило,
отлив лунности и тьмы обнажил, как проказа,
бородавчатые каркасы затонувшей реальности,
нашу пустую одежду, наши сброшенные маски.
искрят водоросли сновидений на люстре,
пучки мерцающего укропа,
и рыбки добровольных галлюцинаций
трепыхаются возле фикуса на подоконнике.
пощечины по воде.

из чего состоит моя жизнь? из любимой
женщины, но я не пускаю ее на второй этаж «я»,
где есть терраса, и грозы, и скалы.
сколько миллионов людей задумывались о жизни
и сколько тысяч записали свои мысли?
и где эти письменники сейчас —
в словах? в чужих душах?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.